

Глава 39. Деревня Цзюаньлоу 04

Чтобы не подорвать мораль команды, Лу Хуэй изо всех сил держал лицо.

Выражение «незавидный баран» знали немногие. О «двуногой овце*» («лянцзяо ян» — liǎngjiǎo yáng) — метафоре людоедства — слышали чаще, но и тогда немногие могли сразу сообразить, что речь идёт о людях.

* 羊人 (liǎng jiǎo yáng) - «двуногая овца» - это жестокое оскорбительное метафорическое выражение, использовавшееся в исторических китайских источниках для обозначения людей, которых ели во время голодовок, войн и массовых катастроф.

«Добавь огонька, не позавидуешь барану — всё вместе сварить до костей*»

* 羊人, 羊人, 羊人 (Ráo bǎ huǒ, bù xiàn yáng, hé gǔ làn) - историческая китайская поговорка, зафиксированная в официальных исторических хрониках эпохи Пяти династий и Десяти царств (X-X вв. н.э.) и восходит к эпохе массового голодовки и каннибализма в истории Китая. И напрямую связана с термином «двуногая овца».

Лу Хуэй мысленно выдохнул и через силу зачерпнул в рот немного риса и прочих блюд. Но к тому мясу он даже не притронулся.

Он даже деликатно предупредил остальных:

— Уже так поздно, пожалуй, стоит поменьше есть мяса. А то живот разболится.

На деле, однако, далеко не все игроки обладали высоким уровнем сознательности.

Среди их команды оказался ещё один наивный простачок — настолько наивный, что даже Ци Бай рядом с ним выглядел мудрецом.

Впрочем, возможно, дело в том, что Мин Чжаолинь тоже ел и это создало у других иллюзию безопасности.

Многие беспомощные игроки, отправляясь в инстанс, строго следовали одному правилу: «Если делает босс — делаю и я. Если босс не делает — и я не делаю».

Только вот забывали они одно: босс — это босс, а они — совсем другое дело.

Под столом Лу Хуэй слегка пнул ботинок Мин Чжаолия.

Мин Чжаолия, съевший лишь один кусочек мяса, недоумённо поднял бровь: «?»

Лу Хуэй беззвучно прошептал губами: «Не ешь. Тут что-то не так».

Мин Чжаолия ответил в том же духе: «Раз уж съел, разница между одним и двумя кусками уже не важна. Надо набить живот, для драки нужны силы».

Лу Хуэй: «...»

Он улыбнулся и одними губами добавил: «Это человеческое мясо».

Мин Чжаолия приподнял бровь, слегка удивившись, но не более того.

Никаких признаков отвращения или дискомфорта он не проявил. Просто спокойно отодвинул в сторону второй кусок мяса в своей тарелке.

...В этот момент Лу Хуэй почувствовал странное, почти болезненное облегчение, — хорошо хоть не стал доедать. Как будто это уже заслуживало похвалы.

Мин Чжаолия — его собственное творение, главный герой, которого он создал по своему замыслу. Поэтому Лу Хуэй знал его лучше всех.

Он не вложил в него ни тени морали. Его жестокость — чистая, бесхитростная, почти детская.

У Мин Чжаолия нет ни малейшего понимания законов или этики. Его память начинается прямо внутри инстанса, и он никогда не видел настоящего правового общества.

Поэтому для него убийство — не преступление, каннибализм — не мерзость, насилие и грабёж — не грех... Но, к счастью, Лу Хуэй всё же добавил в его характер один важный нюанс: герой осознаёт, что он отличается от других, и временами проявляет искреннее любопытство, и пытается понять, как думают те, кто рядом. Он не чувствует чужой боли, но знает, что её нужно чувствовать. Увидев, как кто-то скорбит о погибшем близком, он делает вывод: «Вот так надо грустить», — и, хотя сам не переживает, умеет отлично изображать скорбь.

Именно поэтому в глазах Лу Хуэя Мин Чжаолия был существом, предельно чистым.

В его сердце пустота.

Лу Хуэй не наделил его сердцем.

Такого человека, обладающего нужными ресурсами и уверенностью, можно постепенно и терпеливо «приручить» и тогда он станет самым острым и преданным клинком в руках своего создателя.

Лу Хуэй опустил глаза.

.

Ужин длился недолго. Лу Хуэй, Ци Бай, Яо Хаохао и тот самый Ло Е так и не тронули блюдо под названием «незавидный баран».

Ян Цяньфань не стал настаивать. Однако, когда несколько человек отставили миски, он начал собирать посуду и между делом бросил:

— Это мясо подают только сегодня. Если вам понравилось — ешьте побольше. А то потом пожалеете.

Услышав это, Ло Е, уже собиравшийся положить палочки, на миг замер.

Изначально он решил воздержаться, чтобы понаблюдать за происходящим в течение ночи. Но теперь...

Ло Е незаметно бросил взгляд на Мин Чжаолия.

Он знал, что Цзюнь Чаомань не ел, но Мин Чжаолия — ел.

Они пока не могли точно определить, добрый ли этот NPC или злой. А вдруг он действительно добрый?

...Ло Е понятия не имел, что такое «незавидный баран».

Поразмыслив, он всё же последовал примеру Лу Хуэя и отказался от мяса.

Если Ци Бай, близкий друг Лу Хуэя, тоже не ел, значит, Лу Хуэй считает, что есть это — плохая идея.

Когда Ян Цяньфань убрал посуду, он добавил:

— В нашей деревне нет никаких развлечений. Как стемнеет — все запираются по домам и ложатся спать. Вам тоже лучше не шляться по улицам. У многих здесь есть собаки, а у некоторых даже не на привязи. Ночью они свободно бегают по окрестностям и узнают только своих. Если вы выйдете, они вас примут за чужаков и нападут.

После таких слов NPC казался ещё более доброжелательным.

Лу Хуэй и остальные согласились и не задерживаясь внизу, сразу поднялись в свои комнаты.

Во-первых, у них пока не было никаких новых зацепок. Во-вторых, если это инстанс с призраками и нечистью, ночью на улицу действительно лучше не выходить.

После ужина Ци Бай и Яо Хаохао пошли к Лу Хуэю.

Но когда они подошли к его двери, внутри уже находился Мин Чжаолинь.

Тот зашёл прямо за Лу Хуэем, даже не заходя сначала к себе.

Когда Ци Бай и Яо Хаохао открыли дверь, они увидели, как Мин Чжаолинь пристально разглядывает глаза Лу Хуэя.

Лу Хуэй сидел на краю кровати, покорно запрокинув голову. Мин Чжаолинь одной рукой держал его лицо, а другой слегка оттягивал нижнее веко, склонившись так близко, что их лица почти соприкасались.

Настолько близко, что Ци Бай — а уж он-то, как художник, рисовавший мужские парные фанарты, кое-что знал — первым делом подумал, что они сейчас поцелуются. Его так занесло, что он едва не упал в обморок и инстинктивно схватил Яо Хаохао за руку, готовый бежать прочь.

Только её оклик спас ситуацию:

— Вы вообще, чем заняты?

Мин Чжаолинь чуть повернул голову и бросил на них взгляд. На губах играла его привычная, едва уловимая улыбка, но в глазах — тех самых миндалевидных, соблазнительных глазах-персиках — не было ни капли теплоты — только ледяной холод.

...Так что выглядело это как раздражение человека, которому помешали в самый неподходящий момент.

Хотя на самом деле Мин Чжаолинь всегда так смотрел на всех. Просто в этой ситуации его

взгляд легко было истолковать по-другому.

Лу Хуэй поднял руку и слегка дёрнул Мин Чжаолиня за рукав, давая ему понять, чтобы тот прекратил.

Мин Чжаолинь неспешно убрал руки, и Лу Хуэй пояснил:

— Я сказал, что увидел что-то странное. Мин Чжаолинь ответил, что ничего не заметил. Он ведь уже проходил один инстанс, где игроки видели поверх предметов странные тени, а потом у них портилось зрение из-за загрязнения глаз. Поэтому он просто проверил — не случилось ли чего подобного и со мной.

Оглядываясь назад, Лу Хуэй и сам признавал, что их поза действительно выглядела... двусмысленно.

Яо Хаохао уже немного пришла в себя, хотя голос её по-прежнему звучал слабо и отстранённо:

— ...Что ты увидел?

Лу Хуэй честно ответил:

— Красную тень. Когда мы поднимались после ужина, я увидел, как красная тень пронеслась по верхнему этажу и вылетела наружу.

Он не лгал. Это была не тень в привычном смысле — даже не полупрозрачная, а почти полностью невидимая, словно дымка.

Мин Чжаолинь, выслушав описание, не усомнился в том, что Лу Хуэй мог ошибиться или ему померещилось. Но ведь они поднимались вместе, по довольно широкой лестнице, бок о бок — и он ничего не видел.

Чтобы исключить все возможные причины — вдруг в глаз попал какой-нибудь жучок? — он и решил осмотреть глаза Лу Хуэя. В подобных горных деревенских инстансах ведь часто встречаются всякие зловредные паразиты и колдовские жуки.

Поэтому Лу Хуэй снова спросил:

— Ты что-нибудь увидел?

Мин Чжаолинь приподнял бровь и коротко ответил:

— Красивые.

Лу Хуэй: «?»

Мин Чжаолинь склонил голову набок.

Лу Хуэй сразу понял, что это значит, что он ничего не увидел и просто ляпнул первое, что пришло на ум, чтобы не молчать.

У Мин Чжаолиня всегда находились такие мелкие причуды — например, никогда не отвечать прямо на вопрос.

Тогда Лу Хуэй предположил:

— Видимо, дело в том, что я не ел, а ты — ел.

О чём именно идёт речь, объяснить не требовалось.

Речь шла о «незавидном баране».

Мин Чжаолинь тут же спросил:

— Откуда ты знал, что это человеческое мясо? Из-за названия «незавидный баран»?

Лу Хуэй ещё не успел ответить, как глаза Ци Бая распахнулись от ужаса. Он чуть не вскрикнул, но быстрее среагировало тело, и он тут же зажал себе рот ладонью.

Но что только что сказал Мин Чжаолинь?!

Человеческое мясо?!

Ци Бай с изумлением уставился на Лу Хуэя.

Тот спокойно махнул рукой:

— Поговорим, когда закроете дверь.

Яо Хаохао тут же захлопнула дверь.

Лу Хуэй внимательно посмотрел на неё:

— Ты тоже знаешь, верно?

— ...Да.

Яо Хаохао тихо выдохнула:

— Я изучала этот отрывок: «Старых тощих мужчин называли «рао ба хо» («добавь огонька»), молодых женщин — «бу сянь ян» («не завидуешь барану»), а детей — «хэ гу лань» («всё вместе сварить до костей»). Все они вместе именовались «лянцзяо ян» («двуногой овцой»). Это из «Цзилэй бянь» («Сборника куриных рёбер»)*. «Рао ба хо» означает, что старое и сухое мужское мясо нужно долго варить, подкладывая побольше дров; молодая женщина — «бу сянь ян», потому что её мясо нежнее и вкуснее баранины; а «хэ гу лань» — оттого, что детские кости такие хрупкие, что при варке они просто рассыпаются.

* 齊民要術 (Jìlèi Biān) - исторический труд китайского учёного Хун Маосяна (胡三省, 1123-1202), написанный в эпоху Южной Сун, содержащий анекдоты, обычаи и свидетельства, включая упоминания о людоедстве.

— Всё это объединяют под общим названием «двуногая овца». Этот термин гораздо шире известен — его часто используют в литературе.

— ...Кстати, — Лу Хуэй, словно что-то вспомнив, повернулся к Мин Чжаолиню, — В этой деревне, кажется, вообще нет овец, верно?

Он задал вопрос, но даже если бы Мин Чжаолинь соврал и сказал «есть», Лу Хуэй всё равно остался бы уверен в обратном.

Когда они вместе бродили по деревне, видели свиней, кур, уток, коров, собак, даже гусей и голубей. Но ни одного загона с овцами так и не заметили.

Это было странно.

Мин Чжаолинь кивнул:

— Нет.

Яо Хаохао добавила:

— Кстати, само название «Цзюаньлоу» тоже связано со словом «овца». Значит, и гора, и

деревня точно имеют к ней какое-то отношение.

Лу Хуэй снова взглянул на неё с искренним удивлением:

— Ого, да вы у нас культурный человек!

Яо Хаохао: «...»

Эта фраза немного вернула её в реальность. Она слабо фыркнула:

— Ты сам-то ведь тоже знаешь, что такое «бу сянь ян».

— А, ну да.

Лу Хуэй небрежно пояснил:

— Просто раньше кто-то рассказывал мне об этом.

Он перевёл дух и добавил:

— Только другим об этом не говорите.

Ци Бай, слушавший всё это, опешил:

— Почему?

Хотя лицо Яо Хаохао всё ещё было бледным, в голове уже прояснилось:

— Среди тех игроков есть более-менее порядочные, как Ло Е, но есть и пара совсем сомнительных... А ещё — кто знает, не предаст ли Ло Е остальных ради очков вклада в прохождение инстанса?

Ци Бай всё понял и теперь смотрел на Яо Хаохао почти с благоговением, как на настоящего босса.

Лу Хуэй приподнял бровь:

— Сестрёнка, ты здорово повзрослела.

Видимо, из-за того, что рядом снова оказались знакомые, ей стало чуть легче, и она уже не церемонилась:

— ...Кто здесь твоя сестрёнка? У тебя же лицо самое обычное — с виду не старше студента.

Однако, сказав это, она снова глубоко вздохнула:

— ...Это мой четвёртый инстанс. С Наньнань мы вместе прошли уже три, считая тот, где познакомились с вами.

Раз уж она сама завела речь, Лу Хуэй не упустил момент:

— Как погибла И Аньнань?

При этих словах у Яо Хаохао на глазах выступили слёзы, а в её янтарных миндалевидных глазах вспыхнула ярость:

— Один игрок... Он обманул нас с Наньнань, а потом... толкнул её прямо на клинок босса.

Лу Хуэй на миг замер и про себя подумал: Ну и не повезло же тебе, девушка.

Всего несколько инстансов — и она уже столкнулась с самой гнилой стороной этого игрового мира.

Но, возможно, именно так и растут здесь игроки — быстро и жёстко.

Пока он размышлял, его взгляд скользнул по Ци Баю.

Может, и этого парня отправить пройти пару кругов в аду?

Ци Бай, не подозревая о его мыслях, вдруг почувствовал ледяной холод вдоль позвоночника. Тем не менее, он собрался и попытался утешить Яо Хаохао.

В конце концов, она ведь познакомилась с ними ещё в первом инстансе, и это вселяло в неё хоть какое-то базовое доверие. Хотя настоящее доверие? Скорее всего, нет.

Она пришла к Лу Хуэю не по доброте душевной, а чтобы обменяться информацией.

— Вы что-нибудь нашли в деревне?

Лу Хуэй тут же уловил главное:

— Значит, у тебя тоже есть зацепки.

Яо Хаохао не удивила его пронизательность, она уже знала, насколько Лу Хуэй сообразителен:

— Да. Обмен?

— Договорились. — Лу Хуэй сразу рассказал про детей деревни, которым оплачивали обучение в городе и которые потом меняли фамилию. — Судя по всему... они что-то скрывают. Возможно, бегут от чего-то.

Ведь фамилия «Ян» (□) и слово «овца» (□) в китайском звучат одинаково.

Яо Хаохао в ответ достала свою находку:

— В моём рюкзаке я нашла блокнот. Похоже, это мой дневник.

Она протянула Лу Хуэю маленький блокнот:

— Можешь посмотреть.

Лу Хуэй взял его и раскрыл. Первые страницы содержали обычные служебные заметки, но ближе к середине появилось упоминание деревни «Цзюаньлоу».

[16 января

Наконец услышала о деревне Цзюаньлоу. Но стажёры и старшие журналисты лишь пару слов сказали и сразу замолчали. Главный редактор даже предупредил, что мне не стоит слишком глубоко копать. Говорят, эта деревня проклята — каждый, кто пытался до неё добраться, живым не возвращался. Как такое возможно?..]

Лу Хуэй и Мин Чжаолинь одновременно приподняли брови. У Мин Чжаолиня даже появился интерес:

— Выходит, у тебя есть подлинная роль.

Яо Хаохао замерла, не ответив.

Она прекрасно помнила, как Мин Чжаолинь чуть не перерезал ей горло ребром ладони. И не

понимала, как он может теперь вести себя так, будто ничего не было. Но теперь она точно знала, что именно такие люди — самые страшные.

И если Лу Хуэй не вынужден терпеть этого «тигра», значит, сам Лу Хуэй, скорее всего, такой же, только спрятавшийся за маской приличия. Они оба были смертельно опасны.

Лу Хуэй мельком взглянул на Мин Чжаолия:

— Подозреваю, у тебя тоже есть своя «роль».

Мин Чжаолия изобразил искреннее недоумение:

— Как так? Невозможно!

Он улыбнулся, но Лу Хуэй знал, что тот просто прикидывался.

— А-Мань, я ведь совершенно открыт!

— Ты веришь только себе, больше никому. Что ты скрываешь — ты сам отлично знаешь.

— Да я и вправду ничего не скрываю. Хочешь — вырву сердце, сам покопайся!

— ...

Ци Бай: «...»

Боссы, ваши диалоги какие-то... странные.

Лу Хуэй не стал идти у него на поводу, и перевернул ещё одну страницу. Следующие записи снова были обычными рабочими заметками — и только спустя несколько дней снова появилось упоминание Цзюаньлоу.

[1 февраля

Наконец уговорила команду на поиски Цзюаньлоу! Новички — всегда легче поддаются убеждению. Всем же хочется славы. Я сказала, что, если мы раскроем тайну этой деревни, наши имена прогремят по всему журналистскому миру — и ко мне тут же выстроилась очередь желающих. Наконец-то я доберусь до Цзюаньлоу!]

— Погоди. — Ци Бай, который робко заглядывал через плечо Лу Хуэя, не осмеливаясь подойти

ближе к Мин Чжаолиню, нахмурился, — Если она сама так хотела сюда попасть, зачем тащить с собой других на верную гибель?

Он уже мысленно отделил «настоящую» Яо Хаохао от её игровой роли. Лу Хуэй тоже:

— Возможно, знала, что это опасно, и решила взять побольше «живых щитов».

Он внимательно посмотрел на Яо Хаохао:

— В твоём описании роли точно ничего больше не было?

Яо Хаохао покачала головой:

— Текст был таким:

«Игрок Яо Хаохао, ваша роль в этом инстансе — стажёр-журналист».

«Вы проходите практику в известном информационном агентстве. Вместе с командой под руководством наставника приехали в горы Цзюаньлоу, чтобы раскрыть тайну деревни Цзюаньлоу. Однако во время восхождения внезапно опустился густой туман, и вы потерялись. Блуждая по тропам, вы наткнулись на четверых таинственных исследователей, прибывших в Цзюаньлоу ради приключений. Вместе вы блуждали в тумане и совершенно случайно наткнулись на деревню Цзюаньлоу. Вы объяснили старосте в чём проблема, и добрый староста согласился вас приютить...»

Лу Хуэй приподнял бровь:

— В этом описании слишком много зацепок.

Во-первых, у Ло Е и остальных, скорее всего, такая же предыстория — то есть в рамках сюжета они и правда были «командой», как мы с Ци Баем.

Во-вторых, как так получилось, что профессиональная журналистская группа просто «потерялась» в горах? По записям в дневнике видно, что они готовились, и знали о рисках. А тут — будто в дешёвом хорроре, все внезапно глупеют, никто не берёт с собой карту, не оставляет меток...

И, добивает ключевая фраза: они «совершенно случайно» наткнулись на деревню.

Это «случайно» — настоящая золотая жила.

Допустим, в этом инстансе действительно есть разные лагеря. Если вторая команда — местные жители, а один из четырёх игроков на самом деле не «гость», а уроженец деревни — вполне

может быть, что именно он сознательно привёл остальных сюда.

А если не так — то, возможно, их сюда притянула какая-то иная, более таинственная сила...

В общем, Лу Хуэй ни за что не поверил бы, что всё произошло «просто так».

Выслушав его анализ, Яо Хаохао не смогла сдержать восхищения:

— Ты всё так же силён.

Если бы тогда они с И Аньнань пригласили Лу Хуэя в свою группу... может, Наньнань была бы жива?

Лу Хуэй, уловив её задумчивый взгляд, сразу понял, о чём она думает. Но не стал комментировать. Вместо этого повернулся к Мин Чжаолиню:

— Ручка есть?

Мин Чжаолинь удивлённо поднял бровь и указал на себя:

— А-Мань, ты меня за кого принимаешь?

Лу Хуэй беззаботно бросил:

— Ну, типа... Дораэмон*?

Мин Чжаолинь: «?»

* Дораэмон (ドラエモン) — синий робот-кот из XXII века, отправленный в прошлое, чтобы спасти неудачливого мальчика Нобито от собственной неудачи. Обладает волшебным карманом на животе, откуда достаёт гаджеты из будущего — от летающих бамбуковых вертушек до машин времени. Несмотря на глупости и панику, он предан, добр и верит, что даже самый слабый может стать героем.

Лу Хуэй встретил растерянный взгляд Мин Чжаолиня лёгкой улыбкой и знаками — сначала дай ручку, а потом он сам объяснит, кто такой этот «Дораэмон».

Мин Чжаолинь без лишних слов вытащил из кармана перьевую ручку и протянул её Лу Хуэю.

Ци Бай, который уже было собрался сказать: «Я же художник, у меня в сумке карандаш есть»,

вовремя прикусил язык.

Он чувствовал, что Лу Хуэй и так знает об этом.

Раз тот специально спросил у Мин Чжаолия... значит, у него свои причины.

Лу Хуэй открыл ручку, после чего передал и блокнот, и ручку Яо Хаохао:

— Напиши что-нибудь. Например, «Цзюаньлоу».

Яо Хаохао на миг замерла:

— ...Ты думаешь, это не мой рабочий дневник?

— Некоторые люди не узнают собственного почерка. А ты узнаешь свой?

Она честно покачала головой:

— Я никогда не обращала на него внимания.

А почерк в дневнике был самый обычный — не каллиграфический, не особый, просто нейтральный, ничем не выделяющийся.

Яо Хаохао взяла блокнот и ручку, и аккуратно вывела три иероглифа: «Цзюаньлоу». И сразу же нахмурилась:

— Почерк немного отличается.

Лу Хуэй кивнул:

— Значит, этот дневник — не твой.

Он слегка приподнял уголок губ:

— И, возможно, даже не кого-то из вашей команды. Скорее всего, он оставлен кем-то из «предшественников».

Яо Хаохао удивилась:

— Почему?

— Потому что здесь нет года. — Лу Хуэй забрал у неё блокнот и ручку, вернулся на первую страницу и стал внимательно перечитывать записи. — На наших телефонах есть дата. В доме старосты висит календарь с годом. А здесь — ни слова о годе. Ни разу.

Это явная подсказка.

[8 февраля

Мы начали собирать материал по деревне Цзюаньлоу. Сяо Чжоу прочитал кучу баек в интернете про демонов и проклятия — и начал пятиться назад. Я сказала ему: «Хочешь всю жизнь кофе носить — уходи». Он всё же остался. Я успокоила его: «Не верь этим СМИ — они только ради хайпа пишут». С трудом, но он поверил.]

[24 апреля

Закончили текущие дела и готовимся выдвигаться в горы Цзюаньлоу. Все в приподнятом настроении. Мне немного полегчало — надеюсь, энтузиазм не пропадёт, когда доберёмся до места.]

[27 апреля

Мы добрались до гор Цзюаньлоу. Из-за слухов вокруг этих мест было нелегко найти водителя — почти никто не соглашался везти нас даже к подножию. Только один жадный дедушка согласился за тройную цену. Кое-кто в команде возмутился, но я сказала: «Я заплачу. Мы уже так далеко зашли — деньги сейчас не главное».

Скоро пойдём в горы. Я так волнуюсь, так счастлива... И я снова услышала. В этот раз...]

Дальше шло не многоточие, а чёрно-красное пятно, будто кровавая клякса, полностью закрывшее окончание фразы.

Лу Хуэй пролистал дальше, но там ничего не было. Пятно просочилось сквозь несколько страниц, полностью испортив следующую строку.

Он призадумался:

— Похоже на каплю, а не на брызги. Скорее всего, упала сверху, а не разлетелась от удара.

Мин Чжаолинь брезгливо поморщился, глядя на блокнот:

— Выглядит так, будто кто-то убился об угол.

Хотя... последняя фраза и правда могла подразумевать нечто подобное.

Но...

Лу Хуэй бросил на Мин Чжаолия быстрый взгляд.

Откуда он это знает?

Ведь когда Лу Хуэй создавал его, он не «вкладывал» в него таких выражений.

— Яо Хаохао, — спросил он, — ты что-нибудь слышала?

Она покачала головой:

— Ничего. Сначала думала, что не хватает какого-то условия... А теперь понимаю, что возможно, это просто не мой дневник.

Она имела в виду автора записей.

Но тут возникал другой вопрос:

— Если это не я... то чей же он?

— Возможно, связан с тобой. Может, именно благодаря этому дневнику ваша команда и вышла на Цзюаньлоу...

Лу Хуэй добавил:

— Я склоняюсь к тому, что это как-то связано именно с тобой.

Если верить легенде — все, кто заходил в горы Цзюаньлоу, не возвращались живыми. Тогда как дневник, не принадлежащий Яо Хаохао, оказался у неё в рюкзаке?

Варианта два: либо кто-то из жителей деревни вынес его наружу и передал ей (но зачем — вопрос отдельный), либо автор дневника сам отправил его Яо Хаохао... или даже лично вручил, будучи живым.

Яо Хаохао поняла ход его мыслей:

— Но у меня больше нет никаких зацепок.

Лу Хуэй кивнул:

— Это нормально. То, что у тебя есть, — уже огромная подсказка.

Больше, чем он ожидал.

Подумав, он повернулся к Ци Баю:

— Посмотри в своей сумке. Может, там тоже что-то есть.

Потом он взглянул на Мин Чжаолия. Их глаза встретились, но Лу Хуэй ничего не сказал.

Мин Чжаолия: «?»

Хотя вопрос витал в воздухе, возражать он не стал. Просто подумал: Лу Хуэй действительно меня знает... Но почему? Кто он на самом деле?

Вспомнив способность, которую Лу Хуэй использовал ранее, Мин Чжаолия прищурился.

Другие, возможно, думали, что похожий человек — просто похож. Но как тот, на кого походил этот двойник, Мин Чжаолия мог с уверенностью сказать, что если бы у того не было бы рыжих волос, глаз и бровей, но и были бы длинные волосы, да ещё и живое, не кукольное выражение лица — он был бы его точной копией.

Даже рост и телосложение совпадали.

Почему?

Неужели... он был создан «Цзюнь Чаоманем»?

Мин Чжаолия опустил глаза. Чем больше он думал, тем больше это казалось правдой.

Если так — тогда слова «Цзюнь Чаоманя», что только он знает его происхождение, — чистая правда.

И то странное, неуловимое чувство, которое он испытывал к нему, вероятно, и исходило из этой связи — связи создателя и творения.

Но тогда возникал другой вопрос: если он создан «Цзюнь Чаоманем»... то кто такой сам «Цзюнь Чаомань»? Как он смог создать его?

Это его способность? Или...

Он — бог?

Бог этого мира?

Улыбка на губах Мин Чжаолиня осталась прежней — лёгкой, почти невидимой. Но в глазах уже не было ни тени теплоты — только холод и тьма.

А что, если убить «Цзюнь Чаоманя»?

Он и сам погибнет?

Если он действительно бог этого мира... убей его — и весь мир рухнет?

Представив эту возможность, Мин Чжаолинь вдруг почувствовал прилив возбуждения.

А почему бы и нет? Пусть все умрут вместе. Звучит неплохо.

Его улыбка стала шире. Он снова бросил взгляд на Лу Хуэя.

Тот, как раз объяснявший Ци Баю, что искать, почувствовал этот взгляд и настороженно обернулся:

— «?»

Что за чушь снова пришла в голову этому психу?

Мин Чжаолинь усмехнулся ещё злее, но ничего не сказал и не сделал.

Просто пока что его интересовал этот дневник. Он ведь ни разу не слышал ни о «бу сянъ ян», ни о «двуногой овце», да и «Дораэмон» — тоже загадка.

Разберётся — тогда и решит, что делать дальше.

К тому же... он не верил, что способности Лу Хуэя безграничны.

Когда Лу Хуэй не сможет больше вызывать «другого его»... что он тогда вытащит из рукава?

Очень интересно посмотреть. ^^

.

Ци Бай отправился в свою комнату, и Яо Хаохао пошла с ним — ему было неудобно в одиночку проходить мимо остальных игроков, так что ему нужна была помощь.

Когда они ушли, Лу Хуэй повернулся к Мин Чжаолиню:

— Дораэмон — один из главных героев аниме из реального мира. Это сине-белый кот-робот.

Мин Чжаолинь нахмурился, он не понимал, какое отношение к нему имеет какой-то кот-робот.

Лу Хуэй пояснил:

— У него вот здесь, на животе...

Он показал рукой:

— ...карман. Четырёхмерный пространственный карман, в котором полно волшебных приспособлений. В этом мультфильме есть ещё один главный герой — Нобита. Он постоянно попадает в разные переделки, и каждый раз Дораэмон выручает его, вытаскивая из кармана нужную штуку. Поэтому все и говорят, что Дораэмон — всемогущий.

Мин Чжаолиню мультфильм был неинтересен, но он уловил другую важную деталь:

— Тебе нравится этот Дораэмон?

Когда Лу Хуэй говорил о Дораэмене, в его глазах мелькала искренняя улыбка... Если только он не был актёром высочайшего класса, то эта улыбка была настоящей — совсем не такой, как обычно.

Лу Хуэй не стал отнекиваться:

— Конечно! Разве каждый ребёнок не мечтал о таком?

Мин Чжаолинь при этих словах насторожился — и даже заинтересовался:

— Почему?

Лу Хуэй: «...»

Он почувствовал, будто только что зря потратил кучу слов.

Но он понимал, почему Мин Чжаолинь не понимает. Ведь именно он, Лу Хуэй, прописал его характер так, что тот не умеет и не хочет полагаться на других. Этот человек скорее сам станет Дораэмоном — всемогущим, непобедимым, даже преодолеет врождённый страх перед мышами, — чем станет, тем, кто ждёт помощи.

Лу Хуэй бросил на него взгляд, полный безмолвного «ну ты даёшь», и Мин Чжаолинь тихо рассмеялся. Потом добавил с лёгким недоумением:

— А-Мань, ты ведь не из тех, кто отдаёт свою судьбу в чужие руки.

По всему видно было, что Лу Хуэй скорее сам захочет стать всемогущим Дораэмоном, чем ждать, пока кто-то спасёт его.

Лу Хуэй вздохнул — на этот раз искренне:

— Братишка, люди ведь не рождаются такими. Если бы у меня с детства был Дораэмон, думаешь, я стал бы превращаться в него сам?

Будь у него Дораэмон — он бы сейчас был как Нобита: беззаботный, ленивый, весёлый... знал бы, что за ним всегда кто-то есть, и мог бы позволить себе всё.

Пока он так думал, в голове вдруг щёлкнуло.

Неужели он сделал Мин Чжаолиня таким сильным, таким идеальным... потому что тот и есть его собственный Дораэмон?

Мин Чжаолинь приподнял бровь и внимательно взглянул на него.

Теперь уже Лу Хуэй растерялся:

— «?»

И в следующий миг услышал, как Мин Чжаолинь протяжно, с ленивой насмешкой произнёс:

— Ты, когда называешь кого-то «братишка», звучишь куда приятнее, чем, когда зовёшь «сестрёнкой».

В его миндалевидных глазах сверкало искреннее любопытство.

Лу Хуэй: «...?»

Лу Хуэй: «???»

Он же не закладывал в характер Мин Чжаолиня подобных причуд!

Лу Хуэй с ужасом уставился на него, а от этого «комплимента» по коже пробежал холодок.

Мин Чжаолиню нравится, когда его называют «братишка»... Какая мерзость.

Он представил, как качок, весь обрызганный дешёвыми, приторными духами... фу.

Лу Хуэй мысленно вырвало.

Он больше не стал ничего говорить, и между ними воцарилась тишина.

Вскоре вернулись Ци Бай с Яо Хаохао. Ци Бай не стал сам просматривать содержимое своего рюкзака, так как он слишком хорошо знал свои слабости и боялся что-то упустить.

Лу Хуэй без церемоний забрал сумку и начал тщательно перебирать вещи.

В ней лежали канцелярский нож, карандаши, скетчбук, немного воды и еды — часть Ци Бай купил сам в магазине, часть сгенерировала игровая система для этого инстанса.

Лу Хуэй внимательно всё осмотрел. Ничего подозрительного не было. Значит, всё дело — в скетчбуке.

Он раскрыл его. Первые страницы были заполнены рисунками, не имеющими отношения к инстансу. Только в середине появилось нечто значимое: изображение горного хребта, без домов, но Лу Хуэй пригляделся и показал Мин Чжаолиню:

— Эти вершины... разве не похожи на те, что мы видели в Цзюаньлоу?

Горы Цзюаньлоу имели несколько характерных пиков — слегка изогнутых, напоминающих горбы верблюда. Такие легко узнавались.

Мин Чжаолин кивнул:

— Похоже.

Лу Хуэй добавил:

— Этот рисунок сделан с ракурса снаружи, с некоторого расстояния от гор.

Он перевернул страницу. Следующий рисунок, вероятно, был сделан уже после входа в горы — лес, тропы. Лу Хуэй тщательно просмотрел несколько пейзажей подряд, но ничего особенного не нашёл. Лишь спустя несколько листов появились здания, но... не такие, как в деревне.

Эти выглядели гораздо старше, будто были построены ещё во времена Республики, с черепичными крышами и лёгкими изогнутыми карнизами.

Лу Хуэй прищурился.

Он уже видел этот изгиб карниза, он искал его по всей деревне, но не нашёл. Заметил лишь однажды, когда туман ещё не сгустился, на дальнем холме. Очень далеко. Если это тоже часть локации инстанса, им предстоит долгий путь.

Он пролистал дальше и обнаружил грубый эскиз всей деревни сверху. Рисунок был сделан наспех, без чётких линий — не разобрать ни дорог, ни домов, только контуры.

Но даже так Лу Хуэй взял карандаш и аккуратно обвёл очертания.

Убрав лишние выступы и сгладив углы, он получил... силуэт.

Силуэт двуногой овцы.

Не человека, а именно овцы на двух ногах — стоящей прямо, без рогов.

Если бы не профиль и чёткий силуэт головы, похожей на овечью, это можно было бы принять за странного на вид человека.

Хотя рисунок явно не был картой, а скорее художественным этюдом, Лу Хуэй и Мин Чжаолинь — уже мысленно построившие трёхмерную карту деревни — одновременно ткнули пальцем в одно и то же место.

— Здесь дом старосты.

— Здесь мы находимся.

Их пальцы соприкоснулись. Лу Хуэй на миг замер.

Он обвёл это место карандашом и начал говорить:

— Это место как раз...

Но договорить он не успел.

Яо Хаохао и Ци Бай, стоявшие напротив и смотревшие на рисунок вверх ногами, тоже всё поняли — и тоже замолчали.

По спине Лу Хуэя пробежал холодок. Он невольно сжал скетчбук сильнее.

Это были глаза.

Именно здесь находились глаза двуногой овцы.

Значит... двуногая овца всё это время наблюдала за ними?

<http://bllate.org/book/12898/1133633>